

9-я Ставропольская психоаналитическая конференция
«Другой в психоанализе: от расщепления к дифференциации»
25-26 мая 2013 г.

Пленарный доклад: **«Другой: Дифференциация»**

Докладчик – Людмила Борисовна Удодова.

Сталкиваясь с базовым понятием психоанализа мы понимаем установленное Фрейдом первоначальное разделение между внутренним и внешним возбуждением лежит в основе метапсихологии. Влечение представляет собой внутреннее возбуждение и неустранимое напряжение, которое может пугать. Сложность и неясность влечения может приводить к тому, что внутренний соматический и внешний психический источники в нем объединяются. Т.о. влечение и движение влечения связывают источник, находящийся особенно глубоко в теле с объектом находящимся вне этого тела. (только это может потушить пожар, возникающий в самом этом источнике) Т.о. влечение предназначено для проекции (в неврозе).

В 1922 году Фрейд существенно дополнил понимание проекции. Неверно, что проекция обрекает меня на полное незнание реальности. Проекция имеет некоторую познавательную ценность и открывает некоторый доступ к истине. То, что проецирую на другого, несомненно, открывает мне что-то, относящееся к нему, субъект распознает нечто такое, что не знает эго объекта. Эго не ошибается видя в Дездемоне некоторое увлечение Кассио. Изъятию здесь подвергается его собственное желание, направленное на Кассио. Отсюда вывод, что проекция может раскрыть нечто относящееся к объекту, а изъятию (форклюдии) подвергается желание самого субъекта, которое он проецирует. Другой здесь заключен в б/с субъекта.

Если «прожектор» (т.е. тот, кто проецирует) может, помещая свои собственные желания, прийти к некоторому достоверному знанию об этом объекте, то проекцию все же нельзя полностью отвергнуть; она стала способом познания. Можно привести фразу Клерамбо, адресованную страдающему бредом ревности: «Достаточно быть рогоносцем, чтобы не бредить!». Признать это – значит выдвинуть гипотезу о некотором сходстве или одинаковости «Я» и «Другого», потому, что проекция «Я» целиком сконструирована (хоть и подвержена изъятию) из б/с действительного респондента на уровне б/с «Другого» с другой стороны это также значит установить абсолютную альтернативу между познанием себя и представлением «Другого» как непознаваемого.

Как происходит конструирование «Другого»? Ключ дается Фрейдом в очерке о механизме паранойи. Это то отношение, которое позволяет обмен между «Я» и другим «Я» в особенности в своей идеальной части, строится с помощью нарциссических инвестирований, которые ответственны за десексуализацию, торможения на пути к цели и смещением сексуальных интересов. Таким образом оно вполне отвечает образу Другого как сублимированного гомозротического объекта – легко быть очарованным таким объектом скроенным в точном соответствии с нарциссическими пожеланиями субъекта. Как Бог создал человека по своему образу, так параноик создал объект по своему подобию. Нарциссические идентификации связывают эго и Другого через их взаимные проекции Это проективное движение дополняется интроиктивным движением, когда Другой питается проекциями Эго и интроецированием. Проективному экрану расположенному на поверхности Эго, отвечает другой проективный экран, расположенный снаружи – зеркало, которое представляет собой Другой. Разделяющий характер этой ситуации заключается в том, что ни Эго, ни Другой не могут взаимно расположиться друг относительно друга, потому, что игра зеркал постоянно возвращает образ от внутреннего зеркала Эго к внешнему зеркалу Другого. Имея этот опыт, параноик, больше не знает, где он находится, он уже не уверен в эффективности проекции, расщепление теряет свою сепарационную функцию и это приводит к деперсонализации.

В параноие Другой - объект желания, создает экран, на котором может возникнуть внутренний фильм субъекта, встретив поверхность, благоприятную для приема знаков он будет распределять образы, чтобы отразить субъекта, проецируемого структуры собственного нарциссизма. Экстериоризация приводит к внутреннему стиранию, как будто, чем больше вещи видны с наружи, тем больше пустым будет экран внутри. Чем больше знаков Другой делает видимыми, тем больше «пустеет» субъект освобожденный от своих желаний, он становится чистой поверхностью, пассивно принимающей послания Другого, больше нет различия между взглядом в камере и взглядом на экране. Взгляд на полотне спутан с образом на экране и представляет собой составную часть проецируемого образа. Одним действием он формирует экран и проекцию. Эта ситуация противоположна ситуации невроза, когда очарование не ограничено, но тем не менее сохраняется возможность наблюдать себя смотрящего, а значит дифференциация себя и Другого более сформирована.

Дифференциация.

Если говорить о дифференциации к которой возможно прийти в результате анализа клиенту., то начинать нужно с дифференциации подхода. Условия кадра в анализе для невротиков и более глубоко нарушенных клиентов, если начнем со свободных ассоциаций, которые приемлемы для невротика, для психотиков – ассоциации поработщающие. Это проявляется, прежде всего в проективных усилиях, мешающих любой интеграции, любому ученичеству, любому созреванию. Материнской способности мечтать можно приписать роль базовой гипотезы, выводимой из опыта, который не вполне удался. Это предполагает некоторые выводы:

1. Модель аналитической ситуации воспроизводит ситуацию отношений «мать – дитя».

2. Эта модель состоятельна и эффективна с невротическим пациентом, который способен к «ученичеству» и допускает развитие анализа. С психотиком эта модель обречена на провал. Во всяком случае, она требует другого типа интерпретаций, исходящих из гипотезы об отношениях, существовавших в начале жизни между матерью и ребенком, и слишком рано претерпевших искажения, нарушившие мыслительный процесс.

3. Блон связывает это нарушение с невозможностью «записи», то есть памяти, сохраняющей и потенциально способной принимать и интегрировать. Этот дефект является результатом тенденции «выбрасывать вон» фрустрацию, связанную с присутствием элементов, которые психика субъекта не в состоянии ассимилировать: бета-элементами. Именно в этом оригинальность Блона по сравнению с Мелани Кляйн, и одновременно это сближает его с Винникотом. Причина этого искажения в том, что не ассимилированные проецируемые элементы не принимаются и не трансформируются в психической активности матери. В нормальных случаях мать, способная мечтать, возвращает их ребенку, переработав бета-элементы в альфа-элементы, которые формируют основную ткань психической активности.

4. В теории Блона подразумевается, что у ребенка при рождении преобладает «пищеварительная модель» вследствие опыта кормления грудью. При этом возникает еще одна модель, устроенная по образцу пищеварительной модели. То есть, даже если грудь хорошо кормит ребенка, присутствие хорошей груди не является достаточным для того, чтобы возникла мысль. Она является необходимым, но недостаточным условием. «Пищеварительное» устройство психики позволяет понять необходимость обратного принятия в интерсубъективное. Мать психически «переваривает» проекции ребенка (она их «пережевывает», так сказать, благодаря тому, что может грезить) и кормит ребенка тем, что предварительно ассимилировала она сама. Так что ребенок получает вторичную пищу, - метафору первичной. Его вскармливает «психическая» грудь матери. Мать собрала то, чем ребенка «вырвало» и сделала то, что он до сих пор сделать не мог: она трансформировала эту «конкретную» пищу ребенка, сделав ее психической. Теперь ребенок сможет этим воспользоваться, чтобы сконструировать внутренний психический объект, способный к оценке и активизации. Он уже не претерпевает события, а рассматривает их. Блон здесь очень близок к Фрейдю в «Двух принципах»,

Это противоположно тому, что предлагает Мелани Кляйн, для которой, кажется, все сосредоточено на вскармливании, а тем, что исходит от матери, она пренебрегает. (Это роднит ее с Фрейдом). Блон, как и Винникот, рассматривает пару «Мать – дитя». Благодаря матери у ребенка развивается альфа-функционирование. Теория, которая принимает во внимание только эффекты хорошей и плохой груди, не отвечает на вопрос о том, как возникают психические качества. Вклад матери в том, что она дает не только молоко, но и любовь, понимание, нежность, безопасность. Она переводит бета-элементы в альфа-элементы благодаря функции связывания. Здесь задействованы два вида связей: те, которые действуют внутрипсихических у младенца (благодаря альфа-функции) и те, которые устанавливаются между матерью и ребенком (передающие альфа-функции; они предполагают эти функции у матери).

Оригинальность концепции Блона в том, что он считает мечту поддержкой любви (или ненависти) матери в ее отношении к ребенку.

Здесь видна некоторая циркулярность мысли Блона, которая не всегда полна. Блон исходит из аналитической ситуации между психотиком и аналитиком. Отсюда, мечта подталкивает к поиску модели отношений «мать – дитя» («там и тогда»), способной объяснить происходящее на сеансе («здесь и сейчас»). В своих размышлениях о мечтах Блон переходит к взрослому пациенту, выдвигая гипотезу о том, что отношения матери и ребенка способны сделать мечту аналогом того, что происходит в анализе.

Аналитическое отношение позволяет констатировать, что пациент находится в состоянии, которое, по Блону, не релевантно ни сну (активности сна), ни бодрствованию (вторичная активность). Эта активность свидетельствует о том, что продукция «Экрана» (языка) разрозненна и не связна, а в особенности – не связана. В любом случае эта коммуникация не дает ничего вразумительного: интерпретативная способность (в терминах любви (А) и знания (С)) всегда задействована у аналитика, чья мысль теоретически невредима

(что касается связей). Но ответ на интерпретацию, показывает, что у психотика она не вызывает отклика. Бион здесь осветил материнское участие через отсутствие у матери способности мечтать, так как мечта, по Биону, является тем каналом, по которому передается любовь. Анализ повторяет заботу матери, и пациент проживает ситуацию так, как будто интерпретации аналитика остаются без эффекта, потому что аналитик – мать не может накормить ребенка психически, так же как это раньше было с матерью.

Способность аналитика мечтать, отражением которой являются его интерпретации, остается без результата, потому что не может принять эстафету в материнской способности мечтать (мать была ее лишена). Интерпретация ничего не пробуждает, не описывает вытесненное. Она проникает в пустоту пациента, в котором не осталось следа материнской способности мечтать; мать не оставила там следа. Это ведет к важным выводам: Когда интерпретация производит определенный эффект, то это потому, что она смогла оживить нечто уже существующее, она не может творить из ничего (*ex nihilo* – лат.) там, где ничего не было. Ясно, до какой степени важно согласить между партнерами в аналитической паре, потому что пара – это один объект: бессознательное аналитика мечтает для психического аппарата пациента.

Здесь устанавливается (по Биону, как и по Винникоту) мысль пары и даже трио, это написано в «Источниках опыта»: «Если кормящая мать не способна представить мечту, или если ее мечта не делится на двоих (ребенка и мужа), этот факт будет передаваться при кормлении, пусть даже ребенок этого не понимает».

В модели Биона главная проблема заключается в том, чтобы трансформировать ощущения в эмоциональный опыт. Это указывает на разницу между теориями Биона и Лакана. Если Бион, кажется, делает относительным место репрезентации (по сравнению с Фрейдом), этой ремаркой он вводит нечто, что полностью игнорировала Мелани Кляйн.

О чем мечтает мать? О ребенке или об отце. Это возникновение отца в мечтах матери кажется фундаментальным: это лучше, чем что бы то ни было, объясняет раннюю триангуляцию, существующую с самого начала жизни.

Любовь к ребенку не исключает любовь к отцу, и если мать – первая соблазнительница ребенка (по Фрейду), то следует провести различие между этим соблазнением и разделенным сексуальным наслаждением, как высшей точкой любви к отцу. Материнство вводит в игру импульсы, и достижение их цели сдерживается. Когда материнская нежность дает знать о тайном наслаждении, например, через эротизм кормления грудью, ее вагина не вовлечена в эти отношения, даже при том, что она в муках дала ему жизнь и получила удовлетворение, с которым не может соперничать пенис. Эрогенность матери остается диффузной и исключаяющей генитальность. Матерью прежде всего руководит запрет на инцест, чего бы он ни стоил.

О чем можно мечтать, мечтая об отце? Это мечта о связи, существующей между родителями, а также о связи между младенцем и отцом, которые связаны через мать. Материнский комплекс (*Mutter Komplex* – нем.) это о теле матери, в котором бывают оба, и младенец, и отец. Мечтать об отце – значит мечтать о триангулярных отношениях, в которых материнская забота стремится произвести сепарацию в тесном единстве «мать – дитя». С самого начала в мечтах присутствуют отношения троих, за ним следует промежуток времени, и ребенок восстанавливает двойное единство и отношение, имеющее сексуальный характер. Не все матери легко переживают этот переход от одного объекта к другому.

Для матери мечтать об отце – значит вспоминать, что счастье отношений «мать – дитя» лишь временно, что оно должно быть пережито сполна, но ребенок ей не принадлежит. Он принадлежит родительской паре. Счастье пары требует периодического «забывания» о ребенке. Если ребенок любим и чувствует себя любимым, он без большого ущерба примет эту потерю собственности на мать. В противном случае он будет всю жизнь цепляться за свой объект, чтобы решить никогда не решаемый спор. «Цепляние» – противоположность связи. Потому что цепляние остается безнадежно фиксированным на одном и том же объекте, а связь перемещается и может стать «связью связи» (это мысль).

Как бы ни были привлекательны аналоги, ограничимся сравнением между способностью мечтать и интерпретирующим слушанием аналитика. Аналитик – не мать, как бы сильно пациент ни хотел видеть в нем мать. Любовь пациента к аналитику, без которой никакой анализ не будет успешным, исключает физический контакт – необходимое дополнение материнской мечтательности. Когда Бион писал об этом, он хотел различить физическое (чувство, ощущение) и психическое (эмоциональный опыт чувств) он видел эквивалент физического в лечении в условиях комфорта в анализе: кушетка, зарезервированное пространство, предоставляемое время, и.т.д. Все это материальные элементы кадра. Это – далеко не то, что физический контакт матери и ребенка. Эффективная дистанция во время лечения делает с необходимостью из аналитика образ (который может быть и отцовским). Коммуникация посредством языка акцентирует и это.

В любом случае: как аналитик «мечтает» о своем пациенте? Тут все зависит от отправной точки, и относительно чего будет создаваться миф.

Здесь говорится о психотических пациентах, у которых Бион обнаруживает «фундаментальное нарушение» (как говорят в психиатрии); есть также признаки, говорящие о нарушениях мышления. Этот отход от классического анализа, ориентированного на невротиков, которые являли собой матрицу психопатологии. Теперь вся клиника и вся психопатология переосмыслены, и акцент сделан на психотиках. В этом смысле Бион - преемник Мелани Кляйн, которая предполагает у каждой личности ранний психоз, который счастливицы преодолели. Такое изменение базы исследования повлекло за собой изменение мифа отношения. Это теперь не фрейдовский миф, который ранее служил платформой для разработок.

Мифом отношения Грин называет исторически сложившийся комплекс базовых, понятий гипотетического развития ребенка (насколько анализ позволяет его конструировать). Миф Биона сформирован из кляйнианских элементов (грудь, проективная идентификация, архаичные страхи и т.д.), перемоделированных и скомбинированных с фрейдовскими элементами (моторная разрядка напряжения, бессознательное и сознание, оценка, внимание, мысль, реальность и т.д.). Эта конструкция, в построении которой участвовали некоторые оригинальные идеи Биона (функции, бета- и альфа-элементы, и т.д.) представляет собой бионовский миф, основанный на нескольких принципах, среди которых на первый план выдвигается различие физического и психического.

«Способность мечтать» возникает в результате длительной рефлексии об отношениях между хорошим и плохим объектом. Диалектичность и изящество его мысли отличают его от других в психоанализе. При этом многие акценты расставлены не так, как в работах Фрейда. Галлюцинаторное исполнение желаний – это психическое событие, предполагающее, что ужасное воздействие плохого объекта таким образом рано нейтрализуется. Также Бион констатирует, что психический опыт не может быть сформирован физическим опытом контакта с грудью, будь она даже хорошей. Психическое может родиться только из психического, в данном случае – из психики матери. Мысль может родиться только из мысли объекта.

Важно отметить, что миф Биона возник в ходе разработки некоторых аналитических обменов на сеансе. Тогда как в мифе Фрейда нет отношения к сеансам. Например, во «Влечениях и их судьбах» или в «Отрицании».

Оставим язык метафизики и вернемся к опыту. Пациент говорит, прерывая свою речь молчанием или вздохами. Он жестикулирует или остается неподвижным, скрещивает или не скрещивает ноги, его речи звучит более или менее отчетливо, более или менее страстно, его настроение, мольба, протест варьируют, он демонстрирует любовь или отвержение, едва говорит или как будто декларирует, его речь отрывочна или связна, и т.д. Из чего состоит слушание аналитика? Прежде всего из понимания манифестного смысла (это необходимое условие для всего остального), затем - из «воображения дискурса», - то есть не только вообразить, но и включить «измерение воображения», конструируя скрытый смысл дискурса. Следующий этап разорвет линейную последовательность в цепочке дискурса, привлекая другие «кусочки: некоторые недавние (иногда – с прошлого сеанса), другие – более давние (например, возникшие несколько месяцев назад), и какие-то – совсем давние (например, сон, приснившийся в начале анализа. В этих условиях развивается способность аналитика мечтать. На последнем этапе это воплотится в развязывании, которое будет совершаться в выборе повторной комбинации элементов, собранных таким образом, что рождается контртрансферентный фантазм, которому предстоит встретиться с трансферентным фантазмом пациента.

Грин отмечает, что эта новая комбинация объединяет не похожие друг на друга элементы дискурса: большое количество ассоциаций может вызвать только одно слово или один аффект, который может связаться одним словом (повторявшимся в ходе анализа или употребляющимся необычно или диссонирующее с дискурсом). По ассоциации все это образует единое полотно, - что-то важное, получившиеся из материала, который казался бесполезным, случайным или банальным. Эмоциональная тональность всего в целом придает свой оттенок причинной связи, возникшей в первый раз или привычно повторяющейся. Все это осядет в осадок и кристаллизуется в интерпретацию, - плод мечты.

Это описание, в котором, любой аналитик распознает свой опыт, влекут за собой два возражения со стороны Грина. Во-первых, он не согласен с Бионом, считающим, что аналитик не должен иметь ни памяти, ни желания (следует еще уточнить, как он это сам делал, что это не касается ситуаций, когда понимание аналитика блокируется). Затем, с Фрейдом, который утверждает, что самому аналитику не о чем вспомнить. Напротив, что аналитик должен быть готов принимать новое, и он является хранителем истории анализа. Что касается прошлого, то Грин использует понятие мифа отношения, чтобы подчеркнуть то общее, что есть в мифах и наших гипотезах о развитии, объясняющих происходящее. Это мифы о происхождении. Но, находясь лишь на уровне рассматриваемых явлений, никто (особенно через прямое наблюдение за поведением) не может создать конструкцию. Разве что фиктивную. Важно подчеркнуть это измерение поведения психики, фантазматическое взаимодействие, которое кажется внутренне противоречивым, и которое Грин называет взаимным фантазматическим родством.

Задача процесса – хранение архива истории анализа, пользование записями предсознательной памяти, с этой целью в любой момент привлекая ассоциации.

История в психоанализе не является реконструкцией реальной истории (знаменитый «реальный ребенок» Анны Фрейд), - это конструкция психической реальности субъекта.

Отметив то, как Фрейд заботился об «историчности» (см. дискуссию по поводу случая Человека-Волка и гипотезы относительно хронологии событий), мы обнаруживаем, что пограничные и психотические структуры не могут, как в неврозе, продемонстрировать нам историю с некоторыми проблемами; они часто представляют совсем не историчную картину. История болезни богаче, чем история субъекта. Не то чтобы недоставало воспоминаний, но связь между воспоминаниями и структурой непостижима; между ними пропасть. История анализа субъекта позволяет конструировать еще до того, как обнаружатся какие-то ключевые моменты, которые долго не были известны. Структура базовых психических процессов, содержащих базовые искажения, отмечает развитие психической организации. При этом иногда все бывает сложнее. Пациент, который, кажется, разрушил или никогда и не создавал свою личную историю (ту, которая, в случае невроза, будет перестраиваться в анализе), через много лет анализа, через много периодов застоя и пустоты, принесет очень ценные для анализа воспоминания, важные кусочки аналитического «пазла», которые были скрыты за самыми классическими фантазмами. Анализ «доисторического» куда длиннее, и его разрешением станет собственно история. В ходе анализа этой предыстории, предшествующей освоению языка и функции воспоминаний, способность аналитика мечтать бывает так важна, как будто анализ уделяет много времени, чтобы выткать холст и соорудить экран, на который будет проецироваться фильм субъекта. Так впервые субъект расскажет свою историю; или драму.

И теперь психоаналитическая теория приступает к проработке, разделяя отдельные аспекты развития и созревания, создавая хронологию, различая время субъекта и время Другого, замедление и ускорение, ретроспективу и предвидение и т.д. Здесь некоторые аспекты не только обнаруживаются, но и изобретаются. Точность и воображение должны скорее поддерживать друг друга, чем соперничать.

Остается еще один важный вопрос. Если полностью согласится с Бионом по поводу функции построения связей, какой принцип руководит связью? Что касается пациента, то ответ Фрейда заключается в принципе удовольствия и принципе реальности. Но весь связанный дискурс предлагает причинность, и эта специфическая причинность имеет отношение к его собственной мысли. Если поставить воображаемое на первый план (при условии контроля с точки зрения реальности сеанса, защищаемого кадром), то что знаменует эффективность работы символического? Грин предлагает обозначить эту работу выражением «предположительная мысль», резюмируя ее в формуле, известной, как «если... то». «Если» открывает область возможностей. «Если» говорит об условии возможностей мечты. «То» представляет цель мечты. Если я произведу некоторые трансформации в манифестном тексте, дополню его аллюзии моими ассоциациями («поверх» ассоциаций пациента), то я получу предсознательный или бессознательный фантазм».

Каждый из элементов в слушании будет мыслью. Трансформация, полученная в результате их развязывания и повторного связывания, будет той самой мыслью, трудом «аппарата думания». Оригинальность Биона не в понимании того, что у ребенка могут быть мысли, а в том, что может быть одна мысль, в которой можно быть уверенным, на которую можно положиться. Через свой «аппарат думания мыслей» мать устанавливает связь между ребенком и отцом. Мать и аналитик отличаются и тем, что они относятся к разному времени. Если оба они обращаются к прошлому ребенка, мать также обращается к ребенку настоящему и будущему. Способность аналитика мечтать, особенно если эта способность у матери оказалась дефектной, обращена в прошлое, хотя и принимает во внимание настоящее. Поэтому важно помнить историю анализа, как хорошая мать помнит раннее детство своего ребенка.

Нужно настаивать и на том, что прерывистый характер этого мечтания в конце концов обеспечивает непрерывность аналитической истории пациента. Эта история не примитивна. Она вписывается в «решетку» анализа, она учитывает каналы коммуникации. Фрейд пишет: «Мысль должна быть способна следовать всеми путями». А другое предполагает, как сказал Грин, «миф отношения».